

**Кортенко Людмила Васильевна,
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mikroaionEkb@yandex.ru**

**Смолякова Светлана Вячеславовна, Кортенко Ксения Сергеевна
Гимназия № 13
г. Екатеринбург, Российская Федерация
svsmol@mail.ru**

Особенности функционирования антропонимов в рассказах А.П. Чехова

Аннотация

Цель исследования – изучить роль имён собственных в рассказах А. П. Чехова, определить значимость сочетаний имён нарицательных с именами собственными в раскрытии авторской позиции и создании юмористического эффекта, а также рассмотреть характерные словообразовательные модели анализируемых антропонимов. В ходе изучения теоретических вопросов искусственных и естественных имен, практических примеров ономастики и антропонимики в экспериментальном материале были конкретизированы функции сочетаний нарицательных существительных с именами собственными. Они являются частью художественного замысла, несут идейно-содержательное значение и в концентрированном виде передают смысл, структуру, содержание произведений. Сочетания имён собственных и нарицательных характеризуют стиль писателя. В исследуемых произведениях имена нарицательные содержат прямое указание на статус, должность, чин, а имена собственные метафорически характеризуют героя, выделяя доминанту его личности и передавая авторскую оценку образа. Лингвистический анализ показал, что чаще всего фамилии героев в рассказах А. П. Чехова образованы суффиксальным способом от имён нарицательных и являются результатом словотворчества автора, ещё одним способом неявной оценки героев. В словосочетаниях у Чехова собственные и нарицательные имена и взаимосвязаны, и контрастируют.

Ключевые слова: А. П. Чехов, языковые средства, суффиксация, сочетание собственных и нарицательных имен, существительное.

© Кортенко Л. В., Смолякова С. В., Кортенко К. С. 2021

Для цитирования: Кортенко Л. В., Смолякова С. В., Кортенко К. С. Особенности функционирования антропонимов в рассказах А. П. Чехова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 44–56. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_44_56.

1. Введение [Introduction]

Поводом для написания статьи послужило 120-летие избрания А. П. Чехова почётным академиком РАН по разряду изящной словесности, образцами которой, несомненно, являются его рассказы. Актуальность обращения к ним удачно сформулирована Н. И. Казаковой: «Контрасты эпохи Чехова – это контрасты нашего времени» [Казакова, 2010]. За внешней простотой сюжетов Антона Павловича скрывается загадка смысла. Разгадать эту загадку помогает русский язык, а именно те языковые элементы, которые создают текстовую ткань произведения. Например, какую роль играют сочетания имён собственных и нарицательных в рассказах Чехова? Как причудливое сплетение этих слов способствует передаче авторской оценки героев, его авторской позиции?

В рассказах Чехова очень частотны говорящие фамилии – имена собственные, являющиеся смысловыми сигналами, и чаще всего они употребляются в сочетании с именами нарицательными. Попробуем осмыслить роль имён собственных в текстовой ткани рассказов А. П. Чехова, понять значимость сочетаний имён нарицательных с именами собственными в создании юмористического эффекта, определить особенности словообразования имён собственных, функции словосочетаний нарицательных существительных с именами собственными.

Л. А. Новиков писал: «Слово в речи обладает способностью обобщать и в то же время обозначать индивидуально неповторимое» [Новиков, 1982, с. 5]. Роль имён собственных в художественных текстах изучали многие отечественные учёные. Относительность границ между нарицательной и ономастической лексикой рассматривал В. Д. Бондалетов [Бондалетов, 1983, с. 28–29]. На разные степени лексической абстракции нарицательных и собственных имен указывал А. А. Реформатский [Реформатский, 1996, с. 28]. Он также иллюстрировал переход собственных имён в нарицательные, и наоборот [Реформатский, 1996, с. 38]. Первый отечественный лингвистический словарь, дополненный ономастическими терминами, подготовила Н. В. Подольская [Подольская, 1988, с. 5–6]. Сравнению степени семантической имён собственных и нарицательных уделено внимание в исследовании Е. С. Плешкова [Плешков, 2017, с. 73]. А. В. Суперанская [Суперанская, 1979] определила значение и место ономастической лексики в системе языка и дала структурно-семантическую и функциональную характеристику онимов русского языка. Внимание к функциональной стороне имён собственных позволило ей выделить свойственные им функции. Значение сочетаний искусственных и естественных имён¹ на материале трилогии нашего времени изучено Н. В. Ланге [Ланге, 2016]. Нельзя не согласиться с М. В. Голомидовой в том, что «Искусственная номинация выступает <...> в роли стимулятора, помогающего высвобождению языковой «энергии» и ускорению языковой динамики» [Голомидова, 1998].

В отношении творческого наследия А. П. Чехова исследователи анализируют лингвистические особенности его отдельных произведений. Например, семиотический аспект ономастики рассказа «Враги» рассмотрен Е. А. Пономаренко [Пономаренко, 2017]; полиаспектный лингвистический анализ ономастики рассказа «Смерть чиновника» проведён М. Р. Милудом [Милуд, 2018]. Глубокий анализ эстетической характеристики фамилий и имён, основанный на обширном иллюстративном материале рассказов А. П. Чехова, выполнен В. В. Громовой [Громова, 1988]. Между тем, значимое соотношение собственных имен и нарицательных существительных в рассказах А. П. Чехова ещё не являлось предметом отдельного лингвистического исследования.

В творческом наследии Чехова сочетания нарицательных существительных и собственных выполняют особую функцию, становятся необходимой составляющей художественного замысла автора и в концентрированном виде передают смысл, структуру и содержание всего произведения, в том числе создают юмористический эффект. Цель настоящего исследования – изучить роль имён собственных в рассказах А. П. Чехова, определить значимость сочетаний имён нарицательных с именами собственными в раскрытии авторской позиции и создании юмористического эффекта.

2. Антропонимы в текстовой ткани рассказов А.П.Чехова

[Anthroponyms in the textual fabric of A. P. Chekhov's short stories]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для настоящего исследования послужило 30 рассказов и одна повесть А. П. Чехова. Из них методом сплошной выборки было отобрано 122 контекста,

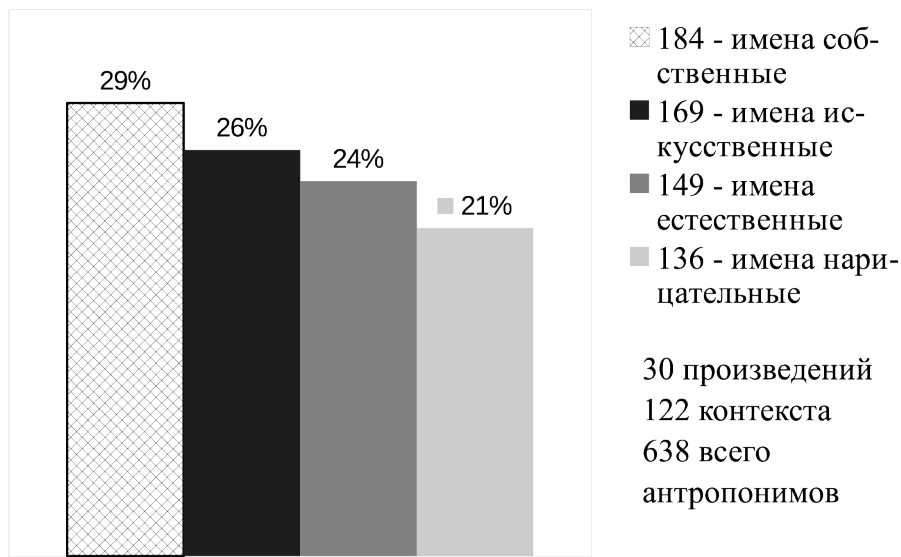
¹ Под естественными именами понимаются имена, данные при рождении; под искусственными именами понимаются прозвища, ситуативные эмотивные проприальные единицы, имена-легенды [Ланге, 2016, с. 123].

содержащих 638 антропонимов. В числе выбранных для анализа антропонимов литературного наследия А. П. Чехова оказались следующие произведения: «Брожение умов», «Вверх по лестнице», «Визитные карточки», «В пансионе», «В Париж!», «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», «ЗАКУСКА (приятное воспоминание)», «Затмение луны (из провинциальной жизни)», «Клевета», «Контрабас и флейта», «Крыжовник», «Лев и Солнце», «Мнения по поводу шляпной катастрофы», «На чужбине», «Ниночка (роман)», «Новейший письмовник», «Новогодние великомученики», «Орден», «Первый любовник», «Перед свадьбой», «Психопаты (сценка)», «Случай из практики», «Случай с классиком», «Староста (сценка)», «Тапёр», «Толстый и тонкий», «Три года», «Унтер Пришибеев», «Учитель», «Экзамен на чин».

В настоящем исследовании для решения поставленных задач использовались методы лингвистики: описательный для характеристики функционирования антропонимов и интерпретации оказываемого ими воздействия на читателей; контекстуальный анализ для выявления механизмов функционирования имён нарицательных и собственных, искусственных и естественных; компонентный анализ для характеристики словообразовательных моделей проанализированных антропонимов. В результате применения статистических методов обработки данных были получены количественные показатели, репрезентирующие частотность изучаемых особенностей функционирования антропонимов в масштабе приведённой выборки.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В данном разделе приведём результаты количественной обработки антропонимов по вышеуказанным признакам и представим анализ примеров. Статистика общего количества изученных антропонимов, их число и процент по четырём основным видам представлены в диаграмме на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Статистика количества изученных антропонимов по их видам в сплошной случайной выборке

Figure 1. Statistics on anthroponyms according to their types

Всего в материале было выделено 638 антропонимов, в среднем по четыре контекста в каждом рассказе. Найденные антропонимы, в соответствии с целью исследования, классифицировались по двум признакам: 1) имя собственное или нарицательное, 2) имя естественное или искусственное. Примеры распределения антропонимов по указанным признакам для некоторых персоналий (героев рассказов) приведены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Некоторые примеры из произведений А. П. Чехова

Table 1. Some examples from Chekhov's works

Имя собственное искусственное, всего 120 из общей выборки (38%)	Имя нарицательное естественное, всего 87 из общей выборки (27%)	Имя нарицательное искусственное зачастую сопровождаемое семантическим рядом, всего 49 выборки (15%)	Имя собственное естественное, всего 62 из общей выборки (20%)
<i>Лампадкин</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>учитель</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>ноль</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>Илюшка</i> [Чехов, 1985, с. 48]
<i>Грязнов</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>секретарь</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>похож на палку</i> [Чехов, 1985, с. 48]	<i>Вася</i> [Чехов, 1985, с. 48]
<i>Поджаров</i> [Чехов, 1985, с. 288]	<i>актер</i> [Чехов, 1985, с. 288]	<i>jeune premier</i> (франц. - первый любовник) [Чехов, 1985, с. 288]	<i>Евгений Алексеевич</i> [Чехов, 1985, с. 288]
<i>Алексеич Нянин</i> [Чехов, 1984, с. 159]	<i>титularный советник</i> [Чехов, 1984, с. 159], <i>старик</i> [Чехов, 1984, с. 160]	<i>служивший</i> [Чехов, 1984, с. 159]	<i>Семён</i> (как сеятель семян) [Чехов, 1984, с. 159]
<i>Андреич Бруни</i> [Чехов, 1985, с. 217]	<i>хозяин</i> [Чехов, 1985, с. 217], <i>немец</i> [Чехов, 1985, с. 220]	<i>человек</i> [Чехов, 1985, с. 217]	<i>Адольф</i> [Чехов, 1985, с. 217]

Сокращённые отчества «*Матвеевич*», «*Серационыч*», «*Федорыч*», «*Капитоныч*», «*Венедиктыч*», «*Захарыч*» и другие (всего 8 из общей выборки или 1% всех изученных антропонимов), не приведённые в таблице, были отнесены к именам собственным искусственным, поскольку Антон Павлович Чехов намеренно использовал их ошибочные написания.

В той же выборке из 638 антропонимов в 122 контекстах было обнаружено 67 (11%) общих распространённых в России имён, раскрывающих сущность героев и звучащих им в унисон: *Александровна*, *Пётр*, *Иван Иванович*, *Никита*, *Алексей*, *Иван*, *Константин*, *Гриша* и т. д.

Имён собственных, образованных от нарицательных существительных, было выявлено 79 (или 12%), например, «*Геморрой Лодкин*», «*Франц Антр-Ну-Суади*» («entre nous soit dit» – «между нами, кстати», фр.), «*Эраст Кринолинович*», «*Дизентерия*», «*Дьявол*» и т. д.

Итак, взаимоотношения главных героев рассказа «Вверх по лестнице» лаконично раскрываются в нескольких фразах: *На этом вечере он, между прочим, к великому своему удивлению, встретил студента-юриста Щепоткина, бывшего лет пять тому назад репетитором его детей* [Чехов, 1984, с. 18]. Очевидно, что статус студента-юриста Щепоткина, служащего при Подоконникове, незначителен, так как, во-первых, он до сих пор не юрист, а полу-студент, полу-юрист; во-вторых, на это указывает «говорящая» фамилия: щепотка – это умещающееся между двух пальцев (а не в горсти или в горке); в-третьих, «*служащий при*» означает, что он не занимает своего собственного служебного положения и делает что-то при Подоконникове, служащем начальственной должности, но при этом также (что показано ещё одной «говорящей» фамилией) находящемся в зависимом положении. Использование сочетаний имён собственных и нарицательных позволяет автору подчеркнуть незначительность персонажа. «*Студент-юрист Щепоткин, служащий при Подоконникове*» становится комической фигурой, несёт идею тщетности карьерных усилий. Обратим внимание и на другие примеры употребления сочетаний собственных и нарицательных существительных в рассказе «Вверх по лестнице»:

– *провинциальный советник Долбонос* занимает должность в провинции, действует настойчиво и слишком прямолинейно ('долбит носом');

– *статс-секретарь Лодкин* – герой, с которым ищут знакомства, потому что он является своеобразным проводником в общество людей, более высоких чином;

– *князь Фингалов* даёт вечер, на который попадает провинциальный советник Долбонос. Нарисательное существительное «князь» и собственное «Фингалов» дают парадоксальное сочетание высокого и низкого, создают комический эффект. Именно эти два слова в совокупности уже говорят о бессмысленности и пустоте того карьерного роста, который совершают герои рассказа.

Комично выглядит стремление провинциального советника совершить карьерное восхождение «в Питере» за счёт знакомства со студентом-юристом Щепоткиным, бывшим лет пять тому назад репетитором его детей. Мысленное движение героя «вверх по лестнице» происходит тогда, когда студент Щепоткин перечисляет свои знакомства, хвастаясь родовитым окружением. Таким образом, название рассказа «Вверх по лестнице» обретает ироничный смысл.

Чаще всего сочетания имён собственных и нарицательных выявляют в героях несоответствие внутреннего содержания личности и внешнего статуса. Эта художественная функция сочетаний позволяет расшифровать смысл рассказа А. П. Чехова «Орден». Рассмотрим ряд деталей: *обитал рядом со своим другом, направил свои стопы к последнему, обедает у купца, ехал на извозчике, чужой Станислав отливал на груди – это всё про учителя военной гимназии, регистратора Пустякова* [Чехов, 1983, с. 302]. Фамилия учителя военной гимназии коллежского регистратора Пустякова говорит о незначительности этой личности, хвастливости и завистливости, желанию казаться не тем, кто он есть на самом деле. «После обеда Пустяков ходил по всем комнатам и показывал барышням орден. На душе у него было легко, вольготно, хотя и пощипывал под ложечкой голод», – таково ощущение героя, надевшего чужой орден и убедившегося в правильности своих действий, когда на сослуживце тоже увидел чужой орден. Беспокоило героя только одно: «Я бы Владимира нацепил. Эх, не догадался!» Состояние «совершенного счастья», в котором находился Пустяков, говорит о соотнесённости фамилии с доминантой этого образа.

Поручик Леденцов – ещё одно сочетание имени собственного нарицательного существительного. Что за ним стоит? Поручик – невысокий военный чин, Леденцов – ассоциативно эта фамилия связана с такими свойствами, как простота, неприязнительность, легкомысленность. Это человек, с которым можно «ударить по рукам», однако он не видит ценности имеющегося у него ордена и легко отдаёт его приятелю для блеска и хвастовства.

Ничтожность людей, стремящихся присвоить чужие заслуги, подчёркивается и фамилией *купца Спичкина*, лишённой поэтичности. Герой любит приглашать на обеды гостей с орденами, яркими и блестящими, как подчёркивает автор, чтобы свою будничную жизнь сделать значительнее. Как отмечает Е. С. Мельникова, «почти в каждом имени, фамилии героя – целая биография, целый портрет, глубинный и в то же время зримый подтекст, ведь читатель, поняв подтекст имени, обогащает своё восприятие образа. Так, характеры чиновников <...> *Невыразимов, Любостяжаев, Червяков, Дрянковский* (лесть, корыстолюбие, чиновничество, подлость, жадность)» [Мельникова, 2019].

Произведение «Толстый и тонкий» интригует уже своим названием. Оно состоит из субстантивированных прилагательных, обозначающих два типа людей, одновременно называющих двух главных героев. Иногда нам кажется, что «толстый» и «тонкий» – их собственные имена:

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он

съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... [Чехов, 1983, с. 251];

Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею [Чехов, 1983, с. 251].

В именах членов семьи «тонкого» много книжного, неестественного. Тем смешнее подобная претензия на избранность выглядит на фоне прозаической картины встречи бывших гимназистов одного класса на вокзале. По именам *Порфирий* (греческое происхождение, в переводе означает «философ»), *Луиза*, жена героя, *Нафанаил*, сын героя, можно подумать, что семейство очень знатное и почитаемое людьми. Но после того как «тонкий» рассказывает о себе и сам даёт оценку своему положению в обществе, имена собственные членов семейства начинают играть совсем другими красками и, по нашему мнению, их можно интерпретировать исходя из смысла и ассоциаций, вызываемых звуковыми рядами: Луиза – «ненастоящая, не русская, на иностранный манер»; Нафанаил – «инфантильный, ребячливый».

Имя «толстого» – Миша, и в этом автор поддерживает противопоставление между героями, так как имя говорит о простоте и незнатности. Ассоциативно слово *Миша* может связываться с рядом определений: большой, основательный, влиятельный, может быть, в чём-то неповоротливый, но в деле усердный и решительный, достигающий многого человек. Узнав должность Миши, семейство «тонкого» испытывает крайнюю степень потрясения и начинает подобострастно лебезить (*ваше превосходительство, захихикал ... съёживаясь* и т. п.), вызывая отвращение у толстого (*поморщился*). По реакции семьи «тонкого» понятно, что Антон Павлович просто «назвал вещи своими именами» – показал недостаточность, ущербность, слабость «тонкого» на фоне силы, полнокровности, успешности «толстого».

Рассказ «Лев и Солнце» – ещё один пример чеховского названия, в котором имена нарицательные становятся именами собственными главных героев и несут в себе двойную смысловую нагрузку, раскрывая несоответствие скудного внутреннего содержания личности и стремления к внешнему статусу, высоким чинам, признания в обществе. Некоторые примеры текста: *Рахат-Хелам, громадный азиат с длинным бекасиным носом, с глазами навывкате и в феске, сидел на полу и рылся в своём чемодане*; «Один только городской голова, Степан Иванович Куцын, узнав от секретаря управы о приезде восточного человека, задумался и спросил: – Куда он едет?» [Чехов, 1985, с. 395].

По фамилии городского головы Куцына нетрудно догадаться, что он «куцый», и мы можем интерпретировать значение его фамилии так: «неуверенный в себе, потрепанный жизнью, пронырливый, скудный», но знающий при этом, как достичь желаемого и действующий *голова*, то есть глава города. Иностранная фамилия *знатного перса сановника Рахат Хелама* производит неизгладимое впечатление на Куцына, решающего для себя, что это важная птица, которую можно использовать для достижения своих меркантильных целей, а именно для осуществления страстной, заветной мечты – получения ордена Льва и солнца без сражений и жертвования, но при удобном случае [Чехов, 1985, с. 395].

В произведении Чехова «Контрабас и флейта» мы снова встречаемся с подобной игрой слов, когда нарицательные существительные становятся почти собственными, беря на себя функцию характеристики героя в рамках одного слова.

Музыкант *Иван Матвейч*, играющий на флейте, ожидаемо милый, очень образованный, рассудительный и вежливый человек, во всём подходящий изящным классическим стандартам культуры и мирового искусства. Даже его имя и отчество звучат мягко, начинаются с закрытого гласного звука «и», похожего на негромкое звучание флейты. Об этом же писала Л. Е. Азарова: «Язык произведений Чехова отличается музыкальностью, которая достигается, разумеется, языковыми средствами. Он как бы наполняет

текст звуками, для этого им используются особые языковые средства и их комбинаторика» [Азарова, 2011, с. 84].

Другой герой *Пётр Петрович* – *высокий, длинноногий блондин, с большой стриженной головой, в неуклюжем, короткохвостом фраке. Говорит он глухим басом; когда ходит, то стучит; чихает и кашляет так громко, что дрожат стёкла* [Чехов, 1984, с. 190]. Внешность героя явно соотносима с большим, трудно передвигаемым инструментом, имеющим низкое звучание. В фонетическом звучании имени *Пётр Петрович* присутствует большое количество препятствующих, тормозящих произношение, рычащих согласных. Чехов в 26% употребления антропонимов наделяет своих героев распространёнными именами, не выделяющими их из окружения. Казалось бы, распространённые имена у Чехова начинают звучать в унисон с героями, а нарицательные существительные, называющие предметы, переходят в разряд абстрактных, характеризуя тип личности, и обретают значение собственных имён существительных (31% антропонимов из сплошной выборки по его произведениям образованы таким способом). 41% фамилий у героев А. П. Чехова имеют искусственную природу и через ассоциативный ряд передают авторскую оценку характера их характера.

Произведение А. П. Чехова «Новогодние великомученики» очень интересно с точки зрения расшифровки нарицательных и собственных существительных, называющих людей. Обратимся к примерам: *У одного из подъездов на тротуаре лежит прилично одетый человек в бобровой шубе и новых резиновых калошах... Возле его мертвецки бледного, свежесвыбритого лица валяются разбитые очки. Шуба на груди распахнулась, и собравшаяся толпа видит кусочек фрака и Станислава третьей степени. Грудь медленно и тяжело дышит, глаза закрыты...* [Чехов, 1984, с. 279]. Это описание главного героя – титулярного советника Синклетева. Важную смысловую роль играет должность «титулярный советник», наверно, поэтому для поддержания своего титула и звания он считает своей обязанностью отобедать у всех знатных знакомых на Новый год. *Титулярный советник Синклетев* побывал у всех важных личностей: *Лиходеева, Обдеухова, Пелагеи Емельяновны, Изюмова, Кошкина, Карл Карлыча, Ляпкина, Дарьи Никодимовны, Курдюкова, Порошкова, Шиллера, Дунькина, Рыжкова*. Среди скопления этих имён собственных смешно звучащие фамилии, не менее смешно звучащие имена и отчества, показывающие хаотичность, беспорядочность личных связей советника Синклетева, не понимающего роли этих людей в его жизни. Это впечатление создаётся плотностью употребления имён собственных со странным фонетическим и ассоциативным звучанием, формирующим какофонию звуков и образов.

В произведении «Визитные карточки» мы находим целое собрание сочетаний нарицательных и собственных существительных в виде подписей на визитных карточках, созданных, конечно, не без присущего Чехову юмора и глубокого подтекста: *Графская корона. Под нею буквы не то в готическом, не то в пошехонском стиле: «Потомственный почётный гражданин Клим Иванович Оболдеев»; «Савватий Паникадилович Пищик-Заблудовский, член общества покровительства животным, агент страхового от огня общества «Саламандра», корреспондент журнала «Волна», комиссионер по продаже швейных машин Зингера и Комп. и проч.* [Чехов, 1984, с. 283]. Одни из этих визитных карточек смешные, другие же, наоборот, показывают важность и напыщенность хозяина; на третьих замысловато отражается содержание деятельности человека, на большинстве из них – желание скрыться за ярко звучащими словами. Юмор автора основывается на несоответствии, алогичности сочетаний нарицательных существительных и собственных: *почётный гражданин Оболдеев, здоровнейший мужчина Жан, советник и Кавалер Лодкин, преподаватель бальных танцев и французского языка Антр-Ну-Суади, статский советник Бумажкин, помощник присяжного Стремглавов, сотрудник журнала «Ребус» Иван Иванович Дьявол* и т. п.

Проведённый анализ рассказов А. П. Чехова позволил понять, насколько мастерски используются языковые приёмы создания комического в литературе. В частности, в интерпретации смысла текста большую роль может играть такая грамматическая особенность, как сочетания собственных и нарицательных существительных. Именно эти языковые элементы помогают почувствовать тонкость иронии А. П. Чехова, который об обыденных явлениях говорит необычно.

В литературоведении особенностью стиля А. П. Чехова принято считать лаконичность, сдержанность в употреблении изобразительно-выразительных средств. Однако в использовании имён собственных проявляется активное словотворчество писателя. Искусственные антропонимы образованы чаще всего суффиксальным способом от имён нарицательных, имеющих бытовое, экспрессивно-сниженное значение. Это подчёркивает частое несоответствие того, кем человек себя представляет, кем желает казаться и кто он есть на самом деле. Неумение быть самим собой и сохранять в себе личность, не расплывающуюся по пустякам, – то горькое свойство человека, на которое направлена ирония автора.

Ниже приведён список имён собственных из некоторых рассказов А. П. Чехова с указанием производящих лексем и способа образования:

Долбонос – «долбить носом» (способ сложения и суффиксации);

Фингал – фингал (суффиксальный способ);

Щепоткин – щепотка (суффиксальный способ);

Пустяков – пустяк (суффиксальный способ);

Леденец – леденец (суффиксальный способ);

Спичкин – спички (суффиксальный способ);

Куцын – «куцый» (суффиксальный способ);

Рахат-Хелам – пародия на зарубежные восточные фамилии;

Обалдеев – обалдеть (суффиксальный способ);

Лодкин – лодка (суффиксальный способ);

Бумажкин – бумажка (суффиксальный способ);

Стремглав – стремглав (суффиксальный способ);

Дьявол – дьявол (суффиксальный способ);

Лиходеев – «дать лиха (сложение и суффиксации);

Обдеухов – обделать уши (способ сложения и суффиксации);

Порошков – порошок (суффиксальный способ);

Рыжков – рыжий (суффиксальный способ).

Заметим, что имена собственные, образованные указанными способами, и их сочетания с нарицательными существительными характерны не только для рассказов, но и для других произведений Чехова, например, для повести «Три года». В ней отмечены следующие антропонимы:

Лаптев Алексей Федорыч – лапоток, «лопушок», простой «купчишка», по выражению одной из героинь повести [Чехов, 1977, с. 41], сам себя считающий забитым и бесцветным, испытывающий «унизительное состояние человека, который противен» [Чехов, 1977, с. 24]; недоволен собой и все, что он думает и делает, кажется ему мелким; «убеждён, что всё это неискренно и, что ему льстят, потому что боятся его» [Чехов, 1977, с. 34], «припоминается моё детство и становится жутко» [Чехов, 1977, с. 34]. По мнению его любимой, «...жалкое, восхищённое лицо... наружность у него была приказчицкая, сам он был не интересен» [Чехов, 1977, с. 21].

Репетитор музыки Полина Николаевна Рассудина – разумная, агрессивная («не причисляет себя к слабому прекрасному полу и не нуждается в услугах господ мужчин» [Чехов, 1977, с. 41]), живущая «по уму», не допускающая действий по сердцу и душе: «...взглянула на него открыто и прямо, ...крепко и порывисто пожала ему руку и

спросила <...> И не дожидаясь ответа, пошла дальше стремительно, широко шагая, будто кто толкал её сзади. <...> не умела слушать и говорить покойно. <...> Средства к жизни добывала уроками музыки и участием в квартетах» [Чехов, 1977, с. 40].

Ярцев Иван Гаврилыч – ярый, страстный, увлекающийся, стремящийся, добывающийся, ответственный, желающий жить, являющийся противоположностью друга, Лаптева Алексея Федоровича. Если для Лаптева время идет медленно, то Ярцеву, наоборот, его не хватает. Он видит, как происходят различные события, и старается быть в их центре. Для Ярцева «жизнь коротка», «время бежит», и сам он нагоняет его, ему хочется «всюду поспеть», «самому участвовать». Как трёхглавый Горыныч он интересуется химией, историей, социологией, «мастер на все руки», поэт, играет на рояле: «и свои небольшие заметки иногда печатал в газетах и журналах, подписываясь буквой Я. Когда он говорил о чём-нибудь из ботаники или зоологии, то походил на историка, когда же решал какой-нибудь исторический вопрос, то походил на естественника» [Чехов, 1977, с. 54].

Помещик «Панауров, красивый, немножко наглый, закуривающий из лампадки и посвистывающий» [Чехов, 1977, с. 11] без профессии и должности, но ассоциируется с понурой лошадей – упёртый, идёт по жизни «...молча, не спеша, несколько раз...» [Чехов, 1977, с. 13], будто, под пинком или плетью, бывший муж больной сестры Алексея Лаптева, который всю жизнь был на её содержании, хотя и «был специалистом по всем наукам и объяснял научно всё, о чём бы ни зашла речь» [Чехов, 1977, с. 14], но постоянно создавал в жизни только ситуации, не приносящие никому блага.

«Костя с озабоченным лицом принял пять капель какого-то лекарства, потом доставши из книжного шкапа две гири, занялся гимнастикой. Он был высок, очень худ, с большими рыжеватыми усами; но самое заметное <...> его необыкновенно длинные ноги» [Чехов, 1977, с. 49] – это адвокат Кочевой Константин Иванович – лёгкий, изворотливый, подвижный в уме и перемещениях: «всё же главным своим занятием считал он не адвокатуру, а эти романы. Ему казалось, что у него тонкая и артистическая организация, и его всегда тянуло к искусству» [Чехов, 1977, с. 52].

«...полный молодой человек в студенческой форме, по фамилии Киш» [Чехов, 1977, с. 42] – молчаливый послушный приспешник, которого всегда можно послать и позвать – имя созвучно глаголу «кыш».

В целом А. П. Чехов продолжает традиции русских писателей XIX века в репрезентации антропонимов. Это подмечено Г. Т. Безкоровайной: «использование имён, имён и отчеств, фамилий» [Безкоровайная, 2016, с. 486]; статуса, не сопровождаемого именем; титулов при официальном обращении. Частота использования различных сочетаний естественных и искусственных, собственных и нарицательных имён в выборке произведений А. П. Чехова представлена на рисунке 2.

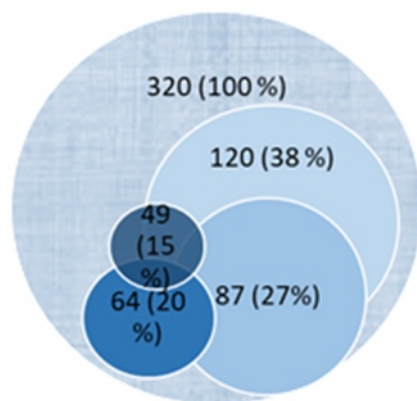

Рисунок 2. Частота различных сочетаний антропонимов у А. П. Чехова
Figure 2. Combinations of A. P. Chekhov's anthroponyms

Всего было выявлено 320 сочетаний собственных, нарицательных, естественных, искусственных имён в антропонимах, среди них: 38% составили сочетания имён собственных и искусственных, в том числе фамилии; 27% – естественные нарицательные имена, такие как учитель, секретарь, хозяин и т. д.; 20% случаев были именами собственными естественными; 15% – искусственные нарицательные имена, иронично дополняющие характеристику персонажа (*человек, тг, ноль, студент-юрист, барин, штабс-капитаниша, личность, жилец* и т. д.). В 8 случаях (1%) из общей выборки персонажи произведений Чехова обладают всеми видами имён (несколько примеров из них были приведены в табл. 1).

На основе анализа частоты использования различных сочетаний естественных и искусственных, собственных и нарицательных имён в выбранных произведениях А. П. Чехова можно заключить, что:

– чаще всего употребляются искусственные собственные имена, реже естественные собственные имена, и в каждом девятом или десятом случае использованы сочетания искусственных и нарицательных имён;

– в большинстве случаев Антон Павлович наделяет своих персонажей собственными вымышленными (искусственными) именами. Например, откровенно искусственных фамилий «Гнуснов», «Пересекин», «Чертоболотов», «Вихлинев», «Шампунь», «Нянин», «Вратоадов» и так далее в анализируемой выборке было найдено 111 (17%);

– второй по частоте употребления антропонимов группой имён у персоналий в произведениях Чехова являются нарицательные естественные имена, что объясняется разворачиванием сюжетов его произведений вокруг реально существовавших людей и случавшихся ситуаций, отражавших жизненный уклад и нравы того времени;

– в меньшей мере используются нарицательные искусственные имена, которые во многом представляют собой характеристики искусственных собственных имен или нарицательных естественных имён.

3. Выводы [Conclusion]

На основании проведённого анализа антропонимов, найденных в рассказах А. П. Чехова, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в изученных рассказах частотно употребление сочетаний имён нарицательных (другими словами, искусственных) и собственных (38%); они имеют идейно-содержательное значение и характеризуют стиль писателя.

Во-вторых, исследование возможных функций словосочетаний нарицательных существительных с именами собственными показало, что имена нарицательные содержат прямое указание на статус, должность, чин; а имена собственные (фамилия, имя, отчество) передают авторскую оценку героя, намёк на несоответствие внутренних и внешних категорий личности, создающее комический эффект.

В-третьих, лингвистический анализ позволил определить, что имена собственные (фамилии) образованы суффиксальным способом от имён нарицательных, имеющих бытовой, экспрессивно-сниженный характер; а имена нарицательные в рассказах указывают на чин, должность, статус. Имена собственные у А. П. Чехова – это результат словотворчества автора, отражающего его оценку героев.

Наконец, выявлено, что в словосочетаниях имена нарицательные и собственные, с одной стороны, взаимосвязаны, с другой стороны, контрастируют, что придаёт повествованию юмористический оттенок. Зачастую автор подчёркивает и высмеивает в героях несоответствие их истинной ценности и желания показать себя более значимыми даже для случайных обывателей вокруг.

Сочетания имён собственных и нарицательных иронично передают абсурдность, мелочность жизни человека, желающего быть не тем, кто он на самом деле, а значит

определяют вечную проблему в обществе – проблему потери человеком личностного и настоящего. И нельзя не поддержать Р. Карвера, справедливо написавшего, что «чеховские рассказы сейчас так же прекрасны (и необходимы), как и тогда, когда они появились впервые. ...истории, которые ... трогают, обнажают наши эмоции так, как только может сделать настоящее искусство» [Carver, 2004].

Список литературы

- Азарова, 1983 – Азарова Л. Е. Язык произведений А. П. Чехова // Вестник Таганрогского гос. пед. ин-та, 2011, № 5. С. 80–86.
- Безкоровайная, 2016 – Безкоровайная Г. Т. Антропонимы в пространстве художественного текста: на материале произведений русских и английских писателей XIX в. // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна. Саров : Интерконтракт, 2016. С. 484–488.
- Бондалетов, 1983 – Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983. 224 с.
- Голомидова, 1998 – Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998. 232 с.
- Громова, 1988 – Громова В. В. Эстетическая характеристика антропонимов в рассказах А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова. Ростов-на-Дону, 1988. С. 18–24.
- Казакова, 2010 – Казакова Н. И. У каждой эпохи свой Чехов // XIII Чеховские чтения: Антон Павлович Чехов и книга «Остров Сахалин» в движении эпох: век XIX – век XXI / сост. И. А. Костанова. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. С. 16–23.
- Ланге, 2016 – Ланге Н. В. Искусственные и естественные имена в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка»: потомки Зверолова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 123–127.
- Мельникова, 2019 – Мельникова Е. С. Авторская ономастика А. П. Чехова в современных английских переводах // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. : Філологія. 2019. № 41. Т. 1. С. 121–124.
- Милуд, 2018 – Милуд М. Р. Полиаспектный лингвистический анализ рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» // Научный журнал Современный лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 2 (38). С. 133–139.
- Новиков, 1982 – Новиков Л. А. Искусство слова. М. : Педагогика, 1982. 128 с.
- Плешков, 2017 – Плешков Е. С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2017. Т. 14, № 3. С. 71–75. doi : 10.14529/ling170312.
- Подольская, 1988 – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
- Пономаренко, 2017 – Пономаренко Е. А. Ономастика рассказа А. П. Чехова «Враги»: семиотический аспект // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. Науч. статей. В 2-х т. Т. 1. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 62–67.
- Реформатский, 1996 – Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Суперанская, 1979 – Суперанская А. В. Собственные имена в языке и в речи // Onomastica Slavogermanica. Leipzig. 1979. Т. V. S. 123–129.
- Чехов, 1983 – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 2. М. : Наука, 1983. 579 с.
- Чехов, 1984 – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 4. М. : Наука, 1984. 547 с.
- Чехов, 1985 а – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 5. М. : Наука, 1985. 707 с.
- Чехов, 1985 б – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 6. М. : Наука, 1985. 739 с.
- Чехов, 1977 – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 9. М. : Наука, 1977. 546 с.

Carver, 2004 – Carver R. Errand // Bartlett, "From Russia, with Love", The Guardian, 15 July 2004.
URL: <https://www.theguardian.com/books/2004/jul/15/classics.antonchekhov> (дата обращения: 04.05.2020).

UDC 81.373.23

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_44_56

Lyidmila V.Kortenko
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russian Federation
mikroraionEkb@yandex.ru

Svetlana V.Smolyakova, Kseniya S.Kortenko
Gymnasium No. 13
Yekaterinburg, Russian Federation
svsmol@mail.ru

The functioning patterns of anthroponyms in A. P. Chekhov's short stories

Abstract

The aim of the research is to (i) consider the role of proper names in the stories of A. P. Chekhov, to (ii) determine the significance of combinations of common names with proper names in revealing the author's position and creating a humorous effect, and also to (iii) identify frequent word-building patterns for the anthroponyms. Literature analysis on theoretical issues of artificial and natural names as well as studying practical examples from onomastics and anthroponymy realms enabled to specify the functions of combinations of common nouns with proper names. These names are part of the plot, conveying ideological messages, concentrating meaning, structure and content. Combinations of proper names and common nouns characterize the style of the writer. In the stories analyzed, common names contain a direct indication of status, position, rank, while proper names metaphorically portray the character or highlight the dominant of his/her personality and convey the author's message concerning evaluation of the image. Linguistic analysis of word-building patterns has shown that most surnames of the characters in the stories of A. P. Chekhov are formed by suffixation from common names, and they are the result of the author's word-making, another way to implicitly evaluate characters. In Chekhov's word combinations, proper and common names are interrelated and opposed.

Keywords: A. P. Chekhov, language means, suffixation, combination of common names with proper names, noun.

© Kortenko L. V., Smolyakova S. V, Kortenko K. S. 2021

For citation: Kortenko L. V., Smolyakova S. V, Kortenko K. S. (2021). Osobennosti funktsionirovaniya antroponimov v rasskazakh A.P. Chekhova [The functioning patterns of anthroponyms in A. P. Chekhov's short stories]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 44–56. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_44_56.

References

- Azarova, L. E. (2011). Yazyk proizvedeniy A. P. Chekhova [Language of Chekhov's works]. *Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute], 2011, S, 80–86.
- Bezkorovaynaya, G. T. (2016). Antroponymy v prostranstve khudozhestvennogo teksta: na materiale produktov russkikh i englishskikh pisatelov XIX v. [Anthroponyms in the space of a literary text:

- Based on works of Russian and English writers of the XIX century]. *Onomastika Povolzhya: Proc. of the XV International Scientific Conference* ; Arzamas, September 13–16, 2016 (pp. 484–488). Arzamas – Sarov : Intercontract Press.
- Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow : Prosveshcheniye Press.
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Artificial nomination in Russian onomastics]. Yekaterinburg.
- Gromova, V. V. (1988). Esteticheskaya kharakteristika antroponimov v rasskazakh A. P. Chekhova [Aesthetic characteristics of anthroponyms in the stories of A. P. Chekhov]. *Language skills of A. P. Chekhov* (pp. 18–24). Rostov-on-Don.
- Kazakova, N. I. (2010). U kazhdoy epokhi svoy Chekhov [Each era has its own Chekhov]. In I. A. Kostanova (Ed.), *XIII Chekhov readings: Anton Pavlovich Chekhov and the book "Sakhalin Island" in the movement of eras: The XIX century – XXI century* (pp. 16–23). Yuzhno-Sakhalinsk : SakhGU Press.
- Lange, N. V. (2016). Iskusstvennyye i yestestvennyye imena v trilogii Diny Rubinoy «Russkaya kanareyka»: potomki Zverolova [Artificial and natural names in Dina Rubina's trilogy "Russian Canary": The trapper's descendants]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (66): Part 2, 123–127.
- Mel'nikova, Ye. S. (2019). Avtorskaya onomastika A. P. Chekhova v sovremennykh angliyskikh perevodakh [Chekhov in modern English translations]. *Naukoviy visnik Mizhdunarodnogo gumanitarnogo universitetu. Ser.: Filologiya* [Scientific Bulletin of the International Humanitarian University. Ser.: Philology], 2019, 41 (1), 121–124.
- Miloud, M. R. (2018). Poliaspektnyy lingvisticheskiy analiz rasskaza A. P. Chekhova «Smert' chinovnika» [Polyaspect linguistic analysis of Anton Chekhov's short story "The death of a government clerk"]. *Nauchnyy zhurnal Sovremennyy lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya* [Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches], 2 (38), 133–139.
- Novikov, L. A. (1982). *Iskusstvo slova* [The art of words]. Moscow : Pedagogika Press.
- Pleshkov, Ye. S. (2017). Znachenije imeni sobstvennogo kak lingvisticheskaya problema [The meaning of proper names as a linguistic problem]. *Vestnik YUUrGU. Series «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics], 14 (3), 71–75. doi : 10.14529/ling170312.
- Podol'skaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology], 2nd edition, corrected with addenda. Moscow : Nauka Press.
- Ponomarenko, Ye. A. (2017). Onomastika rasskaza A. P. Chekhova «Vragi»: semioticheskiy aspekt [Onomastics of the story by A. P. Chekhov's "Enemies": a semiotic aspect]. In Ye. Ya. Titarenko (Ed.), *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian language in policultural world]: Proc. I International Symposium, June 8–12, 2017 (Vol. 1, pp.62–67). Simferopol : IT «ARIAL» Press.
- Reformatskiy, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow : Aspekt Press.
- Superanskaya, A. V. (1979). Sobstvennyye imena v yazyke i v rechi [Proper names in language and speech]. *Onomastica Slavogermanica* (Vol. 5, pp. 123–129), Leipzig.
- Chekhov, A. P. (1983). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 2* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 2]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1984). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 4* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 4]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1985 a). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 5* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 5]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1985 b). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 6* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 6]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1977). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 9* [Complete works and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 9]. Moscow : Nauka Press.
- Carver, R. (2004). Errand: Bartlett, From Russia, with Love. *The Guardian*, 15 July 2004. Retrieved May 4, 2004 from <<https://www.theguardian.com/books/2004/jul/15/classics.antonchekhov>>.